

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ О КОРРУПЦИИ И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Светлана Геннадьевна Кареева^а,
Антонина Николаевна Пинчук^а (antonina.pinchuk27@bk.ru),
Сергей Владимирович Некрасов^а
Дмитрий Андреевич Тихомиров^б

^аИнститут социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия

^бРоссийский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

Цитирование: Кареева С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. (2019) Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1): 113–137. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.6>

Аннотация. Рассматривается феномен коррупции с опорой на концептуальные идеи постпозитивистского подхода, согласно которому формируемые представления о сущности данного явления приобретают уникальную смысловую нагрузку в разных обществах. Авторы подчеркивают, что в российском социуме неоднозначное понимание коррупции на обыденном уровне представляет особую угрозу для формирования устойчивых основ антикоррупционного сознания подрастающего поколения. С целью изучения особенностей восприятия и интерпретации коррупции современной молодежью в 2018 г. авторы проводили 12 фокус-групп в трех российских вузах. Результаты исследования фиксируют дуальность позиций молодого поколения по отношению к коррупции, рассматриваемой ими одновременно как крайне опасное и деструктивное для общества явление, но при этом допустимое в определенных аспектах повседневной жизни, что особенно проявляется в рамках артикуляции сферы частных интересов и этнокультурной специфики. В то же время современные юноши и девушки демонстрируют довольно скептическое отношение к возможности победить коррупцию в российском обществе. В качестве наиболее эффективных мер пресечения и предупреждения коррупции признается ужесточение наказания за коррупционные правонарушения, оптимизация законодательства и усиление контроля в обществе. При этом роль информационных технологий в противодействии коррупции молодежь оценивает неоднозначно. Сомнения многих молодых людей связаны с тем, что кор-

рупционные практики могут трансформироваться в результате адаптации к новым условиям. Привлекает особое внимание слабая актуализация индивидуальной ответственности в борьбе с коррупцией. Современная молодежь смещает акценты в общественную сферу, указывая на то, что основную роль в противодействии коррупции играет прежде всего государство и общество. Полученные данные авторы анализируют в гендерном аспекте, показывая рассогласованность мнений и консенсусные позиции современных юношей и девушек в оценке различных сторон коррупции и антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, восприятие коррупции, постпозитивистский подход, антикоррупционная деятельность, российская молодежь, фокус-групповое исследование.

Введение

Накопленная за последние десятилетия международная научно-исследовательская практика показывает, что коррупция представляет системную угрозу, подрывающую основы политической стабильности и социально-экономического развития государства. Однако в отличие от многих социально опасных явлений, которые однозначно воспринимаются как угроза в массовом сознании, коррупция представляет редкий латентный феномен, неоднозначный в социальных оценках и интерпретации. Проблема в том, что основы правового определения коррупции могут размываться в плоскости общественной морали, что нередко приводит к оправданию коррупционных действий, носящих противоправный характер (Барсукова 2008: 39). В социологической науке это объясняется тем, что, развиваясь как сложный системный феномен, коррупция приобретает эмерджентные свойства, которые не могут быть выведены из характеристик конкретного индивида. Поэтому люди, придерживающиеся нравственных норм в повседневной жизни, в то же время могут принять участие в коррупционных сделках, а сама коррупция начинает проявляться «в рамках широкого спектра (относительно невинных) социальных отношений» (Папакостас 2016: 134).

Диссоциирующие с юридически-правовыми нормами социальные представления о коррупции значительно расширяют горизонты ее понимания и разрывают единый контур общепризнанного определения (Каропова, Некрасов, Пинчук 2018). Как подчеркивает О. Димант, несмотря на совпадающие в различных обществах морально-нравственные ценности, интерпретация совершаемых действий как естественного (natural) или коррупционного поведения (corrupt behavior) во многом зависит от общественных норм и социокультурных характеристик конкретной страны (Dimant 2013: 6).

Согласно Д. Тенцлеру, опирающемуся в своих теоретических разработках на релятивистский концепт коррупции, в первую очередь необходимо изучать модели восприятия и понимания коррупции различными социальными субъектами в разных обществах (Tänzler 2007).

В контексте актуализации проблемы особенностей понимания и определения коррупции в общественном дискурсе наиболее полно раскрывается эвристический потенциал постпозитивистского подхода (*postpositivistic approach*)*, согласно которому люди живут и взаимодействуют в многообразных социальных реальностях, что придает уникальную смысловую нагрузку формируемым представлениям о сущности коррупции. Исследования в рамках постпозитивистского подхода опираются на социальный конструктивизм, в трактовке которого «коррупция — это то, что считается коррупционным в определенном месте и в определенное время» (De Graaf, Wagenaar, Hoenderboom 2010: 99). С этой точки зрения утверждается, что принятое в том или ином обществе понятие «коррупция» социально сконструировано. При этом основное внимание фокусируется на основаниях и последствиях использования общепризнанного в социуме концепта коррупции (De Graaf, Wagenaar, Hoenderboom 2010).

Рассматривая коррупцию как социально и исторически сконструированный феномен, Дж. де Грааф предлагает изучать диспозиции, которые могут реализовываться в коррупционных действиях (De Graaf 2007). В качестве концептуальной платформы своих рассуждений ученый использует разработки П. Бурдьё, в авторском определении которого система устойчивых диспозиций формирует габитус, «структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления» (Бурдьё 2001: 103). Как указывает Л. Вакан, в теоретических построениях П. Бурдьё, с одной стороны, рассматривается конструирование объективных структур (*objective structures*), отражающих пространство распределения социальных ресурсов, которые создают внешние ограничения социальным взаимодействиям и представлениям. С другой стороны, используется непосредственный жизненный опыт социальных агентов для объяснения категорий восприятия и диспозиций, которые структурируют их действие изнутри. Тем самым подчеркивается взаимосвязь между социальными и ментальными структурами (*mental structures*), объективным разделением социального мира и особенностями

---

* Для определения этого подхода также могут использоваться такие термины, как культурный (*culture*), антропологический (*anthropological*), неоклассический (*neoclassical*), постмодерн (*postmodern*).

его видения и разграничения, которое агенты применяют к нему (Wacquant 1992: 11–12). Исходя из этого Дж. де Грааф делает вывод, что важно проанализировать не только внешние условия, но и диспозиции, опосредующие предрасположенность индивида к коррупции (*disposition analysis*). Поэтому в исследованиях коррупции с использованием теории действия П. Бурдьё следует учитывать категории восприятия, оценки и жизненно-го опыта коррупционеров (De Graaf 2007).

Идейные предпосылки другого важного направления постпозитивистского подхода к исследованию коррупции оформились в сфере изучения дискурса. При проведении дискурсивного анализа коррупции предполагается возможным установить границы допустимого использования языковых конструкций в конкретном контексте, что по определению М. Фуко называют «условиями возможности» дискурса (De Graaf, Wagenaar, Hoenderboom 2010). Сам М. Фуко рассматривает дискурс как практику, правила которой «...определяют режим существования объектов» (Фуко 2012: 110). Следовательно, хотя объекты материального мира и могут существовать вне языка, они получают свои значения через язык, причем сами значения существуют в конкретных дискурсивных контекстах, что предполагает возможность описания контекста коррупции (коррупционных ситуаций) как дискурсивной конструкции (*discursive construction*) (De Graaf, Wagenaar, Hoenderboom 2010: 101).

Изучая на эмпирическом уровне особенности понимания и определения коррупции в разных обществах, современные ученые акцентируют определенные основания конструирования повседневных представлений о коррупции. Так, в своих антропологических исследованиях А.Е. Рууд исходит из того, что общее понимание коррупции формируется на основе разделения общественной и частной сфер, которое в моральном аспекте оценивается по-разному в том или ином социуме. Ученый обращает внимание на то, что люди нередко принимают решения спонтанно, в том числе и в коррупционной ситуации, поэтому разграничение видов коррупции четко не определено в практике обыденной жизни. Коррупционные практики пересекаются, дополняют друг друга, по-своему интерпретируются местными жителями и имеют неустойчивую, открытую для полемики «моральную легитимацию» (*moral legitimation*) (Ruud 2000: 291–292). В этой связи достаточно интересна позиция Б. Ростейна и Д. Торсело, которые утверждают, что с моральной точки зрения феномен коррупции везде понимается одинаково и поэтому имеет универсальное значение. Как подчеркивают авторы, специфика восприятия коррупции связана не с нравственно-моральными суждениями, а с особенностями разграничения общественных и частных благ. Поэтому зародившийся

в концепции культурного релятивизма вопрос о сущности коррупции следует рассматривать в рамках дискуссии о том, что конкретно относится к «общественным благам» в том или ином обществе (Rothsten, Torsello 2013: 8).

В российской научной мысли теоретическая полемика о проблеме понимания сущности коррупции в повседневной жизни обычных людей не получила должного развития. Однако можно отметить результаты эмпирических исследований отечественных психологов, которые значительно обогащают научно-практический задел в области изучения особенностей восприятия коррупции в российском обществе. В частности, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич фиксируют, что в массовом сознании россиян сформировалось достаточно противоречивое отношение к коррупции, которое отличает ряд специфических свойств. Прежде всего это толерантность, опосредующая лояльное отношение к коррупции как к неизбежному «минимальному уровню зла». Следующее важное свойство — неоднозначность оценок, когда выраженное осуждение коррупции вызывают не сами акты ее совершения, а запредельные размеры взяток. Еще одной отличительной характеристикой является непоследовательность, которая проявляется в системе двойных стандартов: «я и мое окружение — другие» (Журавлев, Юревич 2012: 11).

Фокусируя внимание на проблеме понимания и восприятия коррупции в российском обществе, подчеркнем, что для России складывается особая ситуация, которая опосредована взаимовлиянием западной ценностной парадигмы и восточной коллективистической культуры. Так, в рамках макропсихологического подхода В. А. Соснин и Д. А. Китова фиксируют произошедшие в последние двадцать лет изменения в отношении к проблеме коррупции в массовом сознании населения. Ученые указывают на то, что западные жизненные стандарты и ценности не всегда соответствуют уникальному российскому культурному коду. Ориентации в пользу материальных, а не духовных ценностей, на которые молодые люди реагируют более позитивно, чем старшее поколение, «...неизбежно приводят (необязательно явно и прямолинейно) к большей терпимости к коррупции» (Соснин, Китова 2018: 140).

Таким образом, в группе риска находится молодое поколение, которое является особым объектом антикоррупционной политики. Так, в последнее время все большую значимость приобретает работа с молодежью в образовательных организациях с целью формирования основ антикоррупционного сознания. Об этом свидетельствуют приоритеты Национального плана противодействия коррупции, утвержденного на 2018–2020 г., где подчеркивается важность формирования «у обучающихся компетен-

ции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности — содействовать пресечению такого поведения» (Указ Президента 2018).

Стоит отметить, что осуществление антикоррупционных просветительских мероприятий в рамках института образования представляет сложную экономическую, организационно-административную, педагогическую задачу. Вместе с тем комплексный характер такой задачи требует сместить фокус научно-исследовательского внимания с технической стороны на социокультурный и социально-психологический аспекты и изучить, как сами обучающиеся воспринимают феномен коррупции. Как показывают результаты опроса населения, проведенного Фондом общественного мнения в 2018 году, именно молодое поколение реагирует наиболее остро на распространение коррупции в стране. В частности, молодежь чаще, чем остальные возрастные группы, отмечала, что уровень коррупции в России выше, чем в большинстве европейских стран (51 %). Также молодые люди больше всех обеспокоены тем, что руководство страны может, но не хочет успешно бороться с коррупцией (36 %) (Уровень коррупции в России 2018). Тем самым особенности восприятия коррупции обучающимися могут создавать серьезные барьеры осуществляемой антикоррупционной просветительской деятельности в образовательных учреждениях. Ведь социальные представления и взгляды молодого поколения могут содержать элементы легитимации коррупции либо отражать скептическое отношение к борьбе с коррупцией в России, нивелируя предпринимаемые попытки сформировать антикоррупционное сознание. Как подчеркивается в зарубежной практике изучения коррупции, распространенные в обществе представления о коррупции, опосредованные культурными диспозициями (*cultural dispositions*), оказывают значительное влияние на осознание населением той или иной страны проблемы коррупции и тем самым на результативность осуществляемых антикоррупционных мер (Tänzler, Maras, Giannakopoulos 2007). Со своей стороны, уточним, что представления российской молодежи о коррупции затрагивают коррупционный потенциал (Osipov, Kagerova, Pinchuk, Nekrassov 2018) и отражают вектор будущего развития национального сознания, что является необходимой информационной базой для углубленной проработки дальнейших стратегий антикоррупционной политики.

Дизайн исследования и эмпирическая база

Рассматривая в рамках постпозитивистского подхода коррупцию как социально-конструируемое явление, определение и значение которого

имеют свои особенности и последствия в каждом обществе (De Graaf, Wagenaar, Hoenderboom 2010), мы обратились к изучению повседневного понимания коррупции современной молодежью. В фокусе социологического исследования находятся содержательные характеристики феномена коррупции, проанализированные в контексте личностных значений, социальных представлений и ценностно-нормативных установок молодых людей. Раскрытие пространства восприятия коррупции на субъективном уровне направлено, в частности, на выявление наличия в массовом сознании молодежи оснований легитимации коррупции. Здесь следует уточнить, что распространение и стихийное освоение коррупционных практик может рассматриваться как институционализация коррупционных взаимодействий, а оправдание коррупции, признание ее как части повседневной реальности — как наиболее опасные признаки «теневой» легитимации* в массовом сознании. В рамках исследования российской молодежи мы учитывали такие свойства восприятия коррупции и выдвигали задачи — выявить, в контексте каких рассуждений проявляется легитимное отношение к коррупции, фиксируется ли в эмоциональном диапазоне положительные оттенки восприятия коррупции, в каких случаях и в каких видах коррупционных отношений допускается участие в коррупции в повседневной жизни.

Еще один фокус исследования был направлен на восприятие молодым поколением вопросов противодействия коррупции в российском социуме, поэтому были выдвинуты дополнительные задачи — изучить, как молодые люди оценивают возможность искоренить коррупцию в России, какие меры считают наиболее эффективными в условиях российского общества и готовы ли они разделить социальную ответственность как субъекты антикоррупционных действий.

В качестве объекта исследования выступили студенты трех гуманитарных московских вузов. В работе проанализированы материалы 12 фокус-групп, проведенных в 2018 г. Фокус-группы включали от пяти до семи человек, всего в исследовании приняло участие 79 респондентов в возрасте от 17 до 21 года. Состав фокус-групп формировался из студентов разных курсов обучения (бакалавриат) по направлениям подготовки «государственное и муниципальное управление», «юриспруденция», «политология», «экономика», что обеспечивает вариативность мнений

---

* П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что институционализация, которая происходит в процессе взаимной типизации регулярно повторяемых действий, требует легитимации институционального мира, т.е. способов его «объяснения» и оправдания (Бергер, Лукман 1995).

будущих специалистов социально-гуманитарного профиля, для которых существуют коррупционные риски в дальнейшей профессиональной деятельности.

Каждая фокус-группа длилась в среднем 30–40 минут и проводилась в соответствии со специально подготовленным сценарием. Предварительно разработанный гайд включал вопросы, составляющих три крупных тематических блока:

- а) определение сущности коррупции в повседневном понимании молодых людей; выявление отличительных социально-культурных характеристик коррупции в России; эмоциональная составляющая отношения к коррупции; обсуждение негативных последствий и возможной пользы от коррупции в современных условиях российского социума;
- б) рассмотрение потенциального поведения индивида в случае возникновения коррупционной ситуации; анализ линии защиты молодых людей при столкновении с коррупцией; особенности правового сознания молодежи в сфере антикоррупционного законодательства;
- в) обсуждение наиболее эффективных мер борьбы с коррупцией в России; анализ результативности использования информационных технологий как способа минимизации коррупции в российском обществе; определение социальной и личной ответственности субъектов антикоррупционной политики.

После сбора эмпирического материала был проведен тематический анализ текстов фокус-групповых интервью с описанием основных результатов, позволяющих содержательно наполнить выделенные смысловые блоки и сделать на их основе выводы.

На следующем этапе исследования был осуществлен качественный контент-анализ транскриптов фокус-групп с помощью программы Atlas.ti. Контент-анализ проводился на основе заранее выбранных кодов, отвечающих задачам исследования. В результате кодирования транскриптов удалось количественно отразить информацию, которая показывает, насколько часто в высказываниях респондентов встречаются темы, характеризующие коррупцию как: 1) исключительно негативное явление (негативное отношение); не имеющее для общества особого значения явление (нейтральное отношение); имеющее возможную пользу явление (положительные аспекты отношения к коррупции). Также интересовала частота тем, в которых коррупция определяется как 2) неискореняемая часть российского общества, опосредованная менталитетом, социокультурными особенностями; 3) явление, которое можно оправдать в частной «безвыходной ситуации».

Значимыми для исследования также стали данные, показывающие, как представлена тема общественной и индивидуальной ответственности* субъектов антикоррупционной деятельности. Выбранные темы были проанализированы в срезе гендерных различий, что позволило сделать определенные выводы о том, в каких точках фиксируются консенсусные позиции юношей и девушек либо, напротив, проявляется рассогласованность суждений.

**Коррупция в представлении молодежи:
сущность, социокультурные особенности,
негативные последствия и возможная польза**

Результаты исследования свидетельствуют, что в сознании молодых людей, принявших участие в фокус-группах, преобладает юридически-правовой аспект понимания коррупции. На уровне субъективных смыслов коррупция актуализируется как действия преступного характера, такие как «взятки», «взятничество должностных лиц», «подкуп взятками». Также часто под коррупцией понимают «нелегитимное использование служебных полномочий в личных целях». Занятие должности, которая открывает доступ к управленческим ресурсам, для многих студентов становится ключевой характеристикой в определении коррупции: «Коррупция — это когда берут взятки, дают взятки и все это происходит на высших постах. Это обязательно государственное учреждение и тот, кто занимает высокий пост, что обеспечивает влияние. Главное иметь влияние» (ж., 18 лет, фокус-группа № 4).

В высказываниях части респондентов содержались ссылки на совершение противоправных деяний, связанных с «воровством», «кражей денег из государственного бюджета», «незаконным обогащением», что расширяет правоприменительный контекст интерпретации коррупции.

Следующее существенное основание определения коррупции показали ответы, артикулирующие данный феномен в морально-нравственном пространстве. В частности, некоторые студенты определяли коррупцию, используя негативно окрашенные качественные характеристики, такие как «плохо», «плохая вещь», либо опирались на нравственную оценку, указывая на «продажность», «несправедливость»: «Коррупция — это несправедливость по отношению к определенной группе людей» (ж., 21 год, фокус-группа № 11).

---

* В социологической науке ответственность определяется как качество социального субъекта, организующее его социальные взаимодействия на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований. По носителю можно выделить индивидуальную, групповую, общественную ответственность (Социологическая энциклопедия 2003: 129).

Необходимо подчеркнуть актуализацию этнокультурной специфики в восприятии коррупции. Так, практически все участники исследования признают, что коррупция в каждой стране имеет свои особенности и везде проявляется по-разному. Согласно взглядам молодых людей, коррупцию в России отличает то, что она слишком широко распространена, проникает практически во все сферы жизни общества и имеет открытый характер. При этом в рассуждениях студентов нередко проявлялась убежденность в том, что «повсеместное распространение коррупции» связано прежде всего с ментальностью населения. В этой связи следует уточнить, что в ходе групповых интервью нередко упоминались этностереотипы, которые специфицируют в сознании молодежи характеристики коррупции в российских условиях. Ярким примером является высказывание одного из опрошенных, кратко процитировавшего М. Е. Салтыкова-Щедрина: *«Разбудите меня через сто лет в России, и я отвечу: пьют, воруют»* (м., 18 лет, фокус-группа № 9).

Эмоциональный диапазон ассоциаций с коррупцией оказался неоднородно окрашен. Так, большинство респондентов определили коррупцию как негативное для общества явление. Вместе с тем многие студенты проявили нейтральное отношение к коррупции, иногда приобретающее положительный оттенок. Как показало исследование, в сознании опрошенных молодых людей фиксируется разграничение формально-правового поля осмысления коррупции и пространства общественных оценок. Перемещение воспринимаемого феномена из одной плоскости в другую придает особую эмоциональную окраску оценочным суждениям: *«Если рассматривать со стороны закона, то это негативно. А если брать общественное мнение, это скорее относительно, т.е. бывают такие моменты, которые ты можешь решить только с помощью коррупции»* (м., 20 лет, фокус-группа № 5).

Некоторые студенты дали экспрессивно не выраженные ответы, потому что видят в коррупции привычный для российского общества элемент социальной реальности: *«В нашей стране нельзя сказать, что коррупция больше положительное или негативное явление. Это просто часть нашей системы»* (м., 19 лет, фокус-группа № 6).

Необходимо обратить внимание на то, что размытость эмоционального восприятия проявляется в контексте обсуждения разных сторон коррупции. В приведенной ниже записи одной из фокус-групп очевидна неоднозначность мнений респондентов в отношении коррупции:

Модератор: С вашей точки зрения, коррупция — это негативное, положительное или не имеющее особого значения для общества социальное явление? Прокомментируйте, пожалуйста, ваше мнение.

Респондент 1: Безусловно, негативное явление — это несправедливо, это нечестно, это разрушает все моральные нормы (ж., 20 лет);

Респондент 2: Конечно, негативное, это разрушает системность в нашем обществе (ж., 17 лет);

Респондент 3: Но если бы я был чиновником, то это, конечно, положительно, ребята (м., 20 лет);

Респондент 4: С другой стороны, бывают такие тяжелые жизненные ситуации, из которых без коррупции вообще нельзя выйти, и это помогает жителям нашей страны (ж., 21 год, фокус-группа № 2).

Требующий отдельного обсуждения вопрос о наиболее негативных последствиях коррупции для российского общества показал, что молодые люди в первую очередь отмечают увеличивающееся социальное неравенство, возникающее в результате большого разрыва между богатыми и бедными слоями населения. Помимо этого, в своих ответах студенты нередко упоминали о проблеме незаконного присваивания бюджетных средств, предназначенных для государственных нужд и решения различных социальных вопросов. Также опрошенные студенты озабочены тем, что в результате коррупции остаются безнаказанными преступники и в стране распространяются беззаконие и несправедливость, что иллюстрирует следующее высказывание: «Если человек нарушил правила дорожного движения и заплатил деньги, то он так и дальше может спокойно ездить со своими правами» (ж., 21 год, фокус-группа № 4).

В некоторых случаях молодые люди приводили конкретные примеры, предметно показывая вред от коррупции в различных сферах жизни российского общества. Студенты указывали на деструктивные последствия коррупции в сфере медицины, образования, в строительном секторе. Один респондент рассказывал, что «...строительные фирмы отмывают деньги через покупку более дешевых и непригодных для строительства материалов, поэтому строительные конструкции, дороги, муниципальные дома, которые строятся для переселенцев, очень низкого качества» (м., 17 лет, фокус-группа № 12).

Особую дискуссию в фокус-группах вызвал вопрос о возможной пользе коррупции, который отразил полярные точки зрения. Часть опрошенных заняла твердую позицию и проявила устойчивое нетерпимое отношение к существованию коррупции в жизни индивида и общества независимо от возникающих ситуаций. Иначе отвечали те студенты, которые допускали, что коррупция может принести определенную пользу. В рамках анализа текстов фокус-групповых интервью были выделены основания оценки положительных сторон коррупции (табл. 1), которые отразили прикладной уровень актуализации возможной пользы коррупции.

Таблица 1

Основания оценки положительных сторон коррупции

Основания оценки	Положительные стороны коррупции	Цитата и демографические характеристики респондента	Демографические характеристики респондента
Взаимовыгодные условия	Взаимовыгодные условия для участников коррупционной сделки, в которой происходит незаконное обогащение одной стороны и получение необходимых услуг другой стороной	<i>«Для тех, кто участвует, тому и польза. Для тех, кто дает взятки, они получают желаемый результат. Для тех, кто их берет, они получают деньги»</i>	Девушка, 18 лет, фокус-группа № 4
Сфера частных интересов	Участие в коррупции может принести выгоды и преимущества конкретному индивиду, однако в целом для общества никакой пользы нет	<i>«Коррупция может принести пользу индивидуально каждому человеку, но не в целом обществу»</i>	Юноша, 20 лет, фокус-группа № 10
Прикладной аспект коррупции	Коррупция помогает обойти формальные инстанции, ускорить процесс решения проблемы, упростить процедуру получения необходимых документов и т.д.	<i>«Есть польза — можно все решить намного быстрее и легче»</i>	Девушка, 19 лет, фокус-группа № 2
Решение бытовых проблем	Коррупция может помочь в решении повседневных проблем (бытовая коррупция) в сфере медицины, образования и т.д.	<i>«В некоторых ситуациях коррупция может принести пользу, если она не вредит обществу. В случае с образованием, если преподаватель получает деньги, а человек сдает экзамен, то в этом плане все в порядке»</i>	Юноша, 19 лет, фокус-группа № 6

Полученные ответы позволили убедиться, что в смысловом пространстве вектор оценки коррупции выстраивается вдоль оси «общественное — частное». При этом социетальный аспект понимания феномена коррупции сопряжен с его отрицательными характеристиками. Напротив,

положительный эффект допускается, если коррупция носит бытовой характер, помогает решить определенный круг проблем рядовых граждан либо приносит выгоды ее участникам без ущерба обществу. Тем самым происходит переход от категориального к «ситуационно конкретизированному» значению коррупции, одновременно рассматриваемому как крайне негативное для всего общества явление, но допустимое для решения проблем частного характера.

**Ситуативный аспект восприятия коррупции:
потенциальные стратегии поведения
и правовые способы защиты**

Ситуативная рамка восприятия коррупции очерчивает круг вопросов, связанных с возможным поведением индивида при столкновении с фактами коррупции в обыденной жизни и способами защиты своих прав. В ходе исследования студентов попросили представить ситуацию, когда у них вымогают взятку и описать их предполагаемые действия. На фокус-группах в основном обсуждались случаи бытовой коррупции, которая может возникнуть при решении различных повседневных проблем.

Среди типичных реакций респондентов в первую очередь выделились две противоположные поведенческие стратегии, показывающие дуальное отношение к участию в коррупции. Первая стратегия — это отказаться от участия в сделке и обратиться в правоохранительные органы: *«Для начала нужно обратиться в полицию, дальше можно зафиксировать вымогательство»* (м., 19 лет, фокус-группа № 1).

Несколько опрошенных ответили, что отказались бы дать взятку, но обратились бы к другому специалисту для оказания требуемой услуги: *«Отказался бы от услуг человека, который просит взятку, и пошел бы к другому его коллеге»* (м., 17 лет, фокус-группа № 3).

Вторая возможная линия поведения — согласиться и дать взятку. Следует уточнить, что участие в коррупции и дача взятки становится наиболее приемлемой стратегией поведения в ситуации совершения противоправного деяния. Как рассуждал один из студентов, *«если я виноват в происшествии, то я, скорее всего, дам взятку. Но если меня обманывают, то я постараюсь довести дело до суда и добьюсь, чтобы того полицейского выгнали»* (м., 20 лет, фокус-группа № 10).

Одна из студенток следующим образом аргументировала свою позицию: *«Например, я нарушила правила дорожного движения, за что предусматривается штраф в 1500 руб. Полиция, человек, который меня остановил, говорит, что мы можем все решить за 1000 руб. В этом случае мне выгоднее заплатить ему, потому что 1000 вместо 1500, я сэкономлю»*

500 руб., т.е. в любом случае мне придется платить» (ж., 19 лет, фокус-группа № 9). Таким образом, в принятии решения об участии в коррупции особую роль играют мотивы личной выгоды. В частности, обоснованием выбранной тактики поведения могут служить взвешенные экономические затраты, компенсирующие потенциальные потери в случае применения реальных санкций. Между тем в ходе исследования выяснилось, что для студентов значимы не только материальные издержки, но и моральные. Как объяснила одна из участниц фокус-групп, *«было бы проще откупиться, а не терять свои нервы и время»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 2).

Следует уточнить, что в рассматриваемой ситуативной рамке также особую роль играет степень опасности совершенного правонарушения, что демонстрируют выводы одного из юношей: *«Допустим, если это какое-то незначительное совершенное мной нарушение, то я дал бы взятку, чем разбираться, подписывать всякие бумаги. Если это большое правонарушение, я, скорее всего, не стал бы давать взятку и понес бы наказание»* (м., 20 лет, фокус-группа № 10). В то же время другая студентка подчеркнула риск применения санкций, предусмотренных за дачу взятки: *«Естественно, это, конечно, может быть опасно, потому что часто, если люди принуждают дать им взятку, то возможно тебя записывают и потом тебя сдадут за то, что ты ее дал. Это двоякое на самом деле положение, поэтому нужно действовать по ситуации»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 7).

Отдельная категория респондентов проявила слабо выраженную склонность к коррупционному взаимодействию только в *«исключительных случаях»*, *«безвыходных ситуациях»*. *«Тут все зависит от ситуации в любом случае... —* утверждала одна из студенток, *— в такой ситуации, когда никто не пострадает, если это не влияет на жизнь других людей, это не назвать незаконным, то, наверное, я бы еще подумала, а так вряд ли»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 9). Примечательно, что для этой группы респондентов сфера общественных интересов очерчена демаркационной линией, в пределах которой коррупция не допускается: *«Если от меня не пострадает общество и будет обоюдная вина, того, кто берет взятку и моя, тогда можно дать взятку. Опять же все зависит от ситуации, и если ситуация не представляет другого выхода, то тогда да»* (м., 18 лет, фокус-группа № 8).

Анализируя ответы респондентов, которые проявили более или менее выраженную готовность к участию в коррупции, можно предположить, что индивид ориентируется в «границах допустимости» коррупции, которые определяются в пространстве общественных и частных интересов. Так, одна из респонденток сначала убедительно ответила, что отказалась

бы давать взятку, но завершила фразу тем, что «...если это будет выгодно мне, то почему бы и нет» (ж., 19 лет, фокус-группа № 7).

Специально заметим, что в сознании опрошенных молодых людей проявились пробелы в антикоррупционной правовой компетентности. Так, вопрос о том, как защитить свои права с помощью действующего законодательства, в большинстве случаев оставался открытым. Довольно часто студенты признавались, что не знают конкретных норм закона или сам закон, с опорой на который можно правовыми методами противостоять угрозе коррупции. В одной из фокус-групп четыре из пяти участников ответили, что не знают, как отстоять свои интересы посредством закона. Исходя из этого можно констатировать актуальность проведения просветительских мероприятий среди молодежи, направленных на укрепление основ правовой компетентности в сфере антикоррупционного законодательства. Тем более что некоторые студенты осознавали недостаточность знаний и проявили познавательный интерес к этой теме, о чем свидетельствует следующее высказывание одной из студенток: «К сожалению, я не знаю, как защитить себя, но я надеюсь, что соответствующие органы придут и проведут лекцию, как защитить себя от коррупционеров» (ж., 20 лет, фокус-группа № 3).

Борьба с коррупцией: антикоррупционные меры, ответственность субъектов антикоррупционных действий

В высказываниях большинства участников фокус-групп прослеживается неуверенность в возможности победить коррупцию в современном российском обществе. В записях проведенных дискуссий нередко встречались отрицательные ответы: «нет, исключено», «никогда», «в таком обществе нет». В целом молодые люди настроены пессимистично к успеху антикоррупционных действий в сложившихся в России условиях и указывают на необходимость изменения массового сознания либо общественных институтов: «Если полностью изменить сознание, то, как люди видят мир, то тогда искоренить коррупцию можно. Но это сложно, практически невозможно» (ж., 21 год, фокус-группа № 11).

Иногда студенты подчеркивали, что искоренить коррупцию в России достаточно сложно в силу культурных особенностей и менталитета: «Победить коррупцию нельзя, потому что у нас такой менталитет пока что в стране. У нас люди не умеют по-другому. Все знают, что это было, есть и будет» (ж., 21 год, фокус-группа № 4).

Иной точки зрения придерживается немногочисленная группа респондентов, которые считают, что победить коррупцию в российском социуме все-таки можно. Такую позицию во многом определяет убежден-

ность молодых людей в том, что успех зависит от личного вклада и желания индивида: *«Если человек захочет, он все сможет сделать. Просто надо захотеть это сделать, и тогда все получится»* (м., 21 год, фокус-группа № 8).

Пять респондентов ответили, что окончательно избавиться от коррупции в российском обществе не удастся, однако стоит попытаться минимизировать ее уровень: *«Коррупцию победить нельзя, но только можно изменить в масштабах»* (м., 20 лет, фокус-группа № 10). Вместе с тем один юноша обратил внимание на темпоральный аспект проблемы борьбы с коррупцией: *«В краткосрочном периоде это невозможно. А в принципе, мне кажется, что если брать 50 лет, а может, и больше, то мы сможем избавиться более или менее от коррупции, но до конца нет»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 8).

Какие меры, по мнению молодого поколения, будут наиболее эффективными в России в борьбе с коррупцией? Материалы фокус-групп свидетельствуют, что абсолютное большинство респондентов поддерживают ужесточение наказания, предусмотренного уголовным правом за совершение коррупционных правонарушений. Чаще всего студенты указывали на необходимость введения смертной казни, нередко ссылаясь на опыт ее реализации в Китае. В то же время предлагалось ужесточить контроль над соблюдением антикоррупционного законодательства.

Следует отметить, что лейтмотивом ужесточения мер пресечения и контроля становится психологическое воздействие через страх перед наказанием. Как заметила одна из студенток, *«любой человек боится ограничения собственной свободы, собственных прав, и чаще всего уголовное наказание помогает решить ту или иную проблему лучше всего»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 9).

Еще один вариант ответа показывает восприятие борьбы с коррупцией через призму этнокультурной специфики: *«...у нас в стране действует только метод кнута и пряника, потому что если не бояться, то и не слушают, поэтому нужно ужесточить наказание или же, наоборот, дать какое-то вознаграждение, если ты стал свидетелем взятки»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 12).

Однако не все молодые люди поддержали введение смертной казни как наиболее эффективной меры искоренения коррупции. Некоторые студенты опасаются, что из-за возможных ошибок или преднамеренных действий могут пострадать невинные люди. Только одна из студенток в качестве альтернативного способа борьбы с коррупцией предложила использовать рычаги социально-экономического воздействия и повысить уровень жизни граждан.

Стоит заметить, что в двух фокус-группах встречались ответы, демонстрирующие нецелесообразность и бесполезность применения в России любых антикоррупционных мер, что обосновывалось социокультурными характеристиками страны. Так, отвечая на вопрос модератора, один из студентов подчеркнул, что в России не помогут никакие меры, потому что *«коррупция — это часть общества, она будет присутствовать всегда»* (м., 20 лет, фокус-группа № 11).

Особой темой групповой дискуссии стало изменение ситуации с коррупцией в стране в контексте технологических нововведений. В рамках обсуждения данного вопроса разброс мнений был наиболее широким. Чаще всего респонденты относились скептически к уменьшению коррупции в результате информатизации социального пространства. В их высказываниях содержались ссылки на возможную адаптацию к новым условиям. Однако среди студентов также распространено убеждение, что открытый доступ к электронным документам и возможность контролировать деятельность чиновников станет действенной мерой, способной улучшить ситуацию с коррупцией.

Согласованности мнений не удалось достичь и в вопросе о том, на кого должна возлагаться ведущая роль в процессе искоренения коррупции. Большинство опрошенных считают, что главная ответственность принадлежит государству либо специальным органам государственной власти: *«Я считаю, что основная ответственность должна возлагаться на государство в первую очередь, потому что мы платим налоги... Пусть государственные деньги идут на нужды граждан»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 10).

Судя по ответам части респондентов, ведущая роль в антикоррупционной политике принадлежит обществу в целом. В представлении этих студентов коррупция — это явление социальное: *«...и в нем участвует не один человек как минимум, а больше, и это может быть целая организация, поэтому нужно влиять на общество»* (ж., 21 год, фокус-группа № 4). Также студенты поддерживали развитие инициативного гражданского общества либо общественных движений, которые могут быть задействованы в различных антикоррупционных мероприятиях.

Некоторые молодые люди подчеркивали особую роль семьи, утверждая, что от усвоенных в детстве социальных ценностей, норм, представлений и сформированных личностных качеств во многом зависит отношение к коррупции. В то же время респонденты акцентировали первостепенную роль образовательных организаций, функционирующих на начальных уровнях формального образования. В их представлении именно школы, гимназии, лицеи являются основной платформой для

формирования антикоррупционного сознания подрастающего поколения.

В немногочисленную группу можно объединить тех респондентов, которые преимущественно выделяли индивидуальную ответственность каждого человека в борьбе с коррупцией. Молодые люди объясняли, что «человек сам жалуется на то, что в стране высокая коррупция, но при этом участвует в этом процессе» (ж., 19 лет, фокус-группа № 1).

Несколько студентов отметили комплексное воздействие на коррупцию как наиболее эффективную меру антикоррупционной политики. Они считают, что противодействие коррупции должно осуществляться во всех сферах жизни общества и ответственность в антикоррупционной борьбе разделяется между различными социальными институтами и в то же время должна ощущаться каждым индивидом: «Для того чтобы победить коррупцию, нужно во всех сферах оказывать давление, и только тогда это будет возможно» (м., 20 лет, фокус-группа № 10).

В результате обработки фокус-групповых интервью в программе качественного контент-анализа Atlas.ti были выявлены особенности восприятия коррупции современными юношами и девушками. Расхождение позиций фиксируется в оценке положительных сторон коррупции: юноши чаще, чем девушки, воспринимают коррупцию в положительном аспекте (рис. 1). В то же время внутри группы юношей выявлена сильно выраженная поляризация мнений в оценке коррупции как исключительно негативного, либо имеющего положительные стороны социального феномена. Можно отметить, что девушки более ориентированы на оправдание

Рис. 1. Особенности восприятия коррупции в гендерном аспекте

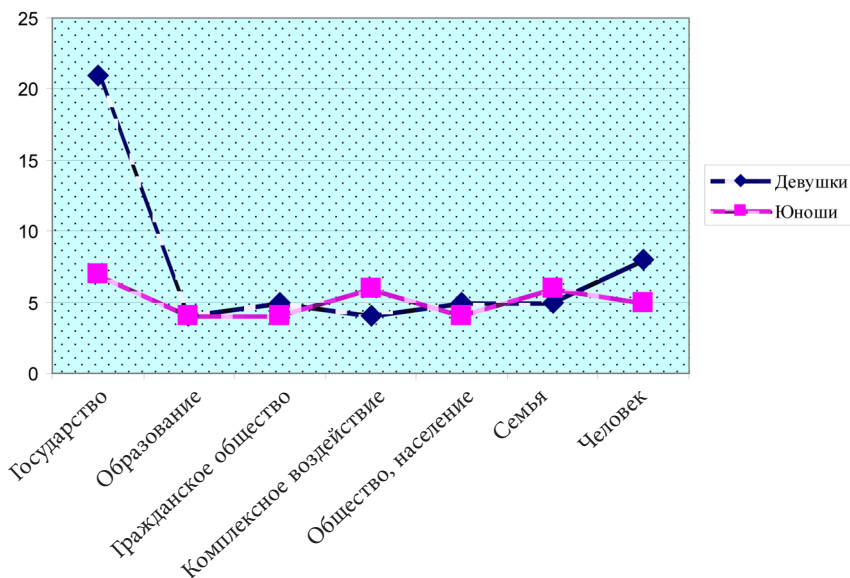

Рис. 2. Основные субъекты антикоррупционной политики в гендерном аспекте

коррупции в «безвыходной ситуации». В остальных вопросах наблюдается относительная согласованность позиций.

В вопросе об общественной и индивидуальной ответственности московские студенты отметили приоритетную роль субъектов антикоррупционной деятельности в макроконтексте, вместе с тем юноши и девушки достаточно консолидированы в оценке роли других субъектов антикоррупционной деятельности (рис. 2).

Следует отметить, что девушки, в отличие от юношей, сильно ориентированы на государство как основного субъекта антикоррупционных действий. При этом для них достаточно актуальна индивидуальная ответственность. Юноши также полагают, что государство играет решающую роль в противодействии коррупции, однако практически в равной мере отдают предпочтение и другим социальным институтам, особо акцентируя комплексное воздействие.

Заключение

Коррупция представляет довольно сложную тему для молодого возраста, однако уже сегодня молодые люди репрезентируют достаточно сформированную, но неоднородную палитру личностных значений, оце-

ночных суждений, взглядов и представлений о данном феномене. Результаты исследования указывают на то, что в сознании молодых людей, принявших участие в фокус-групповых дискуссиях, артикулируются определенные поля понимания и восприятия разных сторон коррупции, соединяющие противоречивые, иногда конфликтующие характеристики данного явления в едином контенте. Это во многом объясняет дуальность позиций юношей и девушек по отношению к коррупции, рассматриваемой в контексте разграничения сферы общественных и частных интересов. Соответственно в поле общественных интересов коррупция осознается как крайне опасное для социума явление, имеющее деструктивные последствия и вызывающее негативные эмоции. Основной посыл о возможной пользе коррупции, напротив, фиксируется в сфере частных интересов, где коррупция может сыграть положительную роль в случае быстрого и упрощенного решения бытовых проблем, что нередко вызывает нейтральные эмоциональные реакции. При этом было выявлено, что юноши чаще, чем девушки, воспринимают коррупцию в положительном аспекте. Девушки, в свою очередь, более склонны оправдывать коррупцию в «безвыходной ситуации».

Тематика антикоррупционной деятельности осветила панораму восприятия коррупции с новой стороны, показывая неоднозначность позиций и рассогласованность мнений опрошенной молодежи о борьбе с коррупцией. Так, с одной стороны, устранение коррупции оценивается молодыми людьми как труднодостижимая задача, потому что данный феномен стал привычной частью повседневной жизни населения. С другой стороны, подчеркивается возможность избавиться от коррупции или хотя бы попытаться минимизировать ее уровень, что требует активной позиции социального субъекта. Вместе с тем московские студенты считают необходимым провести оптимизацию законодательства в сфере пресечения и предупреждения коррупционных действий. В то же время опрошенные юноши и девушки достаточно критично относятся к роли информационных технологий в противодействии коррупции. Многие из студентов не уверены в том, что новые технологии направят ситуацию с коррупцией в России в русло положительных изменений, так как коррупционные практики трансформируются в результате адаптации к новым условиям.

Исследование свидетельствует о том, что принявшие участие в фокус-групповых дискуссиях молодые люди слабо осознают индивидуальную ответственность в процессе искоренения коррупции. В их понимании государство и общество в целом либо институты гражданского общества играют главную роль в антикоррупционной политике. Причем в группе

девушек, в отличие от юношей, более выражен макроконтекст осмысления социальной ответственности субъектов антикоррупционной деятельности, в котором актуализируется первостепенная роль государства и общества. Если вернуться к ранее рассмотренным смысловым полям восприятия коррупции, то следует уточнить, что ответственность основных субъектов антикоррупционных действий актуализируется в сфере «общественного». Студенты редко указывали на то, что индивид играет главную роль в борьбе с коррупцией, что привлекает особое внимание. Ведь от субъективно-го отношения и поведения каждого человека во многом зависит результативность предпринимаемых государством антикоррупционных мер.

Необходимо отметить, что с опорой на результаты проведенного исследования планируется расширить научный задел в сфере изучения коррупционного потенциала, анализ которого существенно дополняют полученные материалы, показывающие основные зоны легитимного отношения к коррупции в сознании современной молодежи.

Литература

Барсукова С.Ю. (2008) Коррупция: научные дебаты и российская реальность. *Общественные науки и современность*, 5: 36–47.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

Бурдые П. (2001). *Практический смысл*. СПб.: Алетей; М.: Ин-т эксперимент. социологии.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. (2012) Психологические факторы коррупции. *Прикладная юридическая психология*, 1: 8–21

Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. (2018) К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты. *Горизонты гуманитарного знания*, 2: 52–64. [<http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/755>] (дата обращения: 03.09.2018).

Папакостас А. (2016) *Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция*. М.: ВЦИОМ.

Соснин В.А., Китова Д.А. (2018) Макропсихологические аспекты исследования коррупции. *Наука. Культура. Общество*, 1: 129–141.

Социологическая энциклопедия (2003) в 2 т. Т. 2. Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль.

Фуко М. (2012). *Археология знания*. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия».

Dimant E. (2013) The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*, 2013-59, Kiel Institute for the World Economy [<http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59>] (дата обращения: 03.09.2018).

De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. (2010) Constructing corruption. In: de Graaf G., von Maravic P., Wagoner P. (eds.), *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption*. Opladen & Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers: 98–114.

De Graaf G. (2007) Causes of Corruption: Towards a Contextual Theory of Corruption. *Public Administration Quarterly*, 31(1): 39–86.

Osipov G., Karepova S., Pinchuk A., Nekrassov S. (2018). Corruption Potential as a Special Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth*, 15–16 November 2018, Seville, Spain: 1257–1266.

Rothstein B., Torsello D. (2013) Is corruption understood differently in different culture? Anthropology meets Political Science, *QoG Working Paper Series*, 2013: 5. [https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf] (дата обращения: 03.09.2018).

Ruud A. E. (2000) Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society. *Forum for Development Studies*, 2: 271–294.

Tänzler D., Maras K., Giannakopoulos A. (2007) Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research. *Discussion Paper Series*, 1. [http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y] (дата обращения: 03.09.2018).

Tänzler D. (2007) Cultures of Corruption — An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*, 2 [http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk-Taenzler-June_2007.pdf?sequence=1]. (дата обращения: 03.09.2018).

Wacquant L. (1992) Toward a Social Praxeology: The Structure and Logic of Bourdieu's Sociology. In: Bourdieu P., Wacquant L. (eds.) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press: 1–59.

Источники

Уровень коррупции в России. События в Дагестане (2018). *Фонд общественное мнение*. 13 марта 2018 [<http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13984>] (дата обращения: 03.09.2018).

Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». *Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ* [<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/#ixzz5KZ40VnBA>] (дата обращения: 03.09.2018).

CORRUPTION AND ANTICORRUPTION ACTIVITIES IN MODERN SOCIETY AS PERCEIVED BY THE MOSCOW STUDENTS: ON THE MATERIALS OF A FOCUS GROUP RESEARCH

Svetlana Karepova^a,
Antonina Pinchuk^a (antonina.pinchuk27@bk.ru),
Sergey Nekrasov^a,
Dmitry Tikhomirov^b

^aInstitute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

^bPlekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation

Citation: Karepova S., Pinchuk A., Nekrasov S., Tikhomirov D. (2019) Moskovskiy studenty o korruptsii i antikorrupcionnoy deyatel'nosti v sovremennom obshchestve: po materialam fokus-grupppovogo issledovaniya [Corruption and anticorruption activities in modern society as perceived by the Moscow students: on the materials of a focus group research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(1): 113–137 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.6>

Abstract. The article considers the phenomenon of corruption based on the conceptual ideas of the post-positivistic approach, according to which the ideas about corruption acquire a unique semantic load in different societies. The authors emphasize that in Russian society ambiguous understanding of corruption at the everyday level poses a particular threat to the formation of the anti-corruption consciousness of the younger generation. In order to investigate the characteristics of perception and interpretation of corruption by modern youth the authors conducted 12 focus groups with students in three universities in Moscow in 2018. The results of the study show the duality of the positions of the young generation in relation to corruption, which they consider as an extremely dangerous and destructive phenomenon for society, but at the same time acceptable in certain aspects of everyday life, associated with private interests and ethno-cultural specificity. At the same time, Moscow students demonstrate a rather skeptical attitude towards the possibility of overcoming corruption in Russian society. To their opinion, the most effective measures to prevent corruption are heavier penalties for corruption offences, the optimization of legislation and the strengthening of control in society. Moreover, young people cautiously assess the role of information technologies in countering corruption. Their doubts are related to the fact that corruption practices can be transformed as a result of adaptation to new conditions. Special attention is paid to students' weak actualization of individual responsibility in fighting corruption. Modern youth shifts accents to the public sphere, pointing out that the main role in combating

corruption is played primarily by the state and society. The data obtained by the authors is analyzed in the gender aspect, showing the mismatch of opinions and consensus positions of modern young men and women in the evaluation of various aspects of corruption and anti-corruption activities.

Keywords: corruption, corruption perception, post-positivist approach, anticorruption activities, the Russian youth, focus group research.

References

Barsukova S.Yu. (2008) Korruptsiya: nauchnye debaty i rossiiskaya real'nost [Corruption: scholarly debate and Russian reality]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 5: 36–47 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti* [The social construction of reality. An essay on sociology of knowledge]. Moscow: Medium (in Russian).

Bourdieu P. (2001) *Praktichesky smysl* [The Practical Reason]. St. Petersburg: Aleteiya, Moscow: Institute for Experimental Sociology (in Russian).

De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. (2010) Constructing corruption. In: de Graaf G., von Maravic P., Wagener P. (eds.), *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption*. Opladen & Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers: 98–114.

De Graaf G. (2007) Causes of Corruption: Towards a Contextual Theory of Corruption. *Public Administration Quarterly*, 31(1): 39–86.

Dimant E. (2013) The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*, 2013–59, Kiel Institute for the World Economy [http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013–59] (accessed: 03.09.2018).

Foucault M. (2012) *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge]. St. Petersburg: Publishing Center “Academy of the Humanitarian Academy” (in Russian).

Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. (2018) K interpretatsii ponyatiya “korruptsiya”: sotsial'nye i sotsial'no-psihologicheskie aspekty [On the interpretation of the concept “corruption”: societal and social-psychological aspects”. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Humanities Perspectives], 2: 52–64. [http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/755] (accessed: 03.09.2018) (in Russian).

Osipov G., Karepova S., Pinchuk A., Nekrasov S. (2018). Corruption Potential as a Special Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth*, 15–16 November 2018, Seville, Spain: 1257–1266.

Papakostas A. (2016) *Stanovlenie tsivilizovannoi publichnoi sfery: nedoverie, doverie i korruptsiya* [Civilizing the Public Sphere: Trust, Distrust and Corruption.]. Moscow: Russian Public Opinion Research Center (in Russian).

Rothstein B., Torsello D. (2013) Is corruption understood differently in different culture? Anthropology meets Political Science, *QoG Working Paper Series*, 2013: 5 [https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf] (accessed: 30.08.2018).

Ruud A. E. (2000) Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society. *Forum for Development Studies*, 2: 271–294.

Sosnin V.A., Kitova D.A. (2018) Makropsikhologicheskie aspekty issledovaniya korruptsii [The macropsychological aspects of corruption research]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 1: 129–141 (in Russian).

Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Sociology] (2003). Vol. 2. Moscow: Mysl' (in Russian).

Tänzler D., Maras K., Giannakopoulos A. (2007) Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research. *Discussion Paper Series*, 1. [http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y] (accessed: 03.09.2018).

Tänzler D. (2007) Cultures of Corruption — An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*, 2. [http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1] (accessed: 03.09.2018).

Wacquant L. (1992) Toward a Social Praxeology: The Structure and Logic of Bourdieu's Sociology. In: Bourdieu P., Wacquant L. (eds.) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press: 1–59.

Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012) Psihologicheskie faktory korruptsii [The psychological factors of corruption]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 1: 8–21 (in Russian).